

После ужина Цзян Дао изначально хотел пойти на пробежку после короткого отдыха, следуя расписанию, назначенному его агентом.

Но у него было не так много времени, а на горной дороге после наступления темноты не было огня. Кроме того, команда программы четко потребовала, чтобы они не спускались с горы ночью без сопровождения персонала. От его плана ночной пробежки можно было только отказаться.

К счастью, Ан Чжэ практиковался танцевать с Хай Тан каждый вечер, что позволяло немного размяться - Цзян Дао следовал за ними.

Хай Тан не снизила требования к Ан Чжэ из-за прибытия Цзян Дао. Ее требования к танцевальным па, ритму и движениям были очень строгими. Если он провалил прыжок один раз, сделайте это снова, пока не сформируется мышечная память и ошибок больше не будет.

Однако она не давала Цзян Дао прямых указаний, а просто позволяла Цзян Дао наблюдать и подражать.

Сначала Цзян Дао вообще не мог угнаться за ритмом, поэтому он мог только наблюдать за Ан Чжэ, повторяя несколько простых комбинаций действий.

Во второй раз он едва смог связать несколько движений вместе с музыкой.

В третий раз его танцевальные па постепенно смогли двигаться в такт музыке, но его движения были немного отрывистыми.

В четвертый раз было немного лучше.

В пятый раз Цзян Дао смог станцевать весь танец с Ан Чжэ.

“Хорошо, отдохните немного”.

После пяти повторений Хай Тан выключила музыку, сначала прокомментировала движения Ан Чжэ и, наконец, посмотрела на Цзян Дао.

“Ты изучал танцы? Кто является преподавателем танцев в твоей компании?”

Цзян Дао поднял руку, чтобы вытереть пот: “У Лань”.

“Хм”, - кивнул Хай Тан. “Я его не знаю”.

Цзян Дао потерял дар речи от ее слов.

“Ты очень хорош в подражании и быстро учишься, но у тебя не то настроение. Это слишком поверхностно”. Сказала Хай Тан. “Тем не менее, ты хороший саженец. У меня есть друг, который недавно готовил танцевальное варьете. Есть ли у тебя какой-либо интерес к участию?”

Цзян Дао на мгновение замолчал, затем изобразил застенчивую улыбку: “Это зависит от договоренностей компании”.

Но внутри он чувствовал необъяснимое: зачем ему еще одно приглашение в варьете? Он просто следил за движениями, как он превратился в хороший саженец? Если это продолжится, даже он почувствует, что первоначальный владелец был совершенно бесполезен.

Вы знаете, Цзян Дао в оригинальном романе было трудно использовать шансы, даже если он старался изо всех сил.

Что касается его, случайного участия в варьете и получения приглашения на другое... Более того, именно другая сторона взяла на себя инициативу пригласить его.

Может быть, он зашел не в ту книгу?

Он просто хотел быть вазой в течение пяти лет, послушным и прозрачным, а затем мирно расторгнуть свой контракт с компанией. Почему это было так сложно...

После короткого отдыха Хай Тан снова включила музыку, и Ан Чжэ начал практиковаться в шестой раз.

Цзян Дао выпил бутылку минеральной воды, развернулся и ушел.

“Эй, Сяо Дао?” Хай Тан была удивлена: “Куда ты идешь?”

“Я... Я почти закончил с аэробикой”. Ответил Цзян Дао. “Теперь собираюсь заняться силовой тренировкой”.

Хай Тан была немного сбита с толку.

Спустя долгое время она спросила: “Танцы были твоей формой аэробики?”

Цзян Дао кивнул.

Хай Тан тяжело вздохнула, ее лицо лишилось дара речи, и она помахала Цзян Дао. “Иди, иди”.

Устала, как устало мое сердце.

Цзян Дао повернулся, чтобы уйти, и когда он повернулся спиной к Хай Тану, уголки его рта невольно дернулись.

Он мог видеть, что эта старшая сестра была воодушевлена его словами и должна была временно отказаться от идеи научить его танцевать.

Вернувшись во двор, он собирался найти место для отжиманий, когда Цзян Дао увидел, что бордер-колли семьи Му, который играл с Чэн Чжи, убежал. Чэн Чжи несколько раз крикнул, но бордер-колли даже не повернул головы назад, забрался в свою конуру и отказался уходить.

“Папа, Таотао сегодня такой странный”. Чэн Чжи был обеспокоен и крикнул Ци Пенгу и Чу Иньлун, которые сидели и болтали у стены. “Он нездоров?”

“В чем дело?” Спросил Ци Пэн.

“Когда мы сегодня ели, он не вышел поест, он продолжал прятаться в конуре”. Чэн Чжи нахмурился. “Я просто немного поиграл с ним, и он снова убежал обратно в гнездо”.

Таотао был частью Страны грез Таоюаня с самого начала. В этом году ему исполняется шесть лет, и он очень умен. Он не только может понимать простую лексику, но и иногда разыгрывает трюки перед камерой.

Это первый раз, когда он так активно вернулся в гнездо в середине игры.

Цзян Дао выступил вперед: “Эта собака только что, она больна?”

Чэн Чжи отвел Цзян Дао в питомник: “Может быть... подойди и посмотри, не кажется ли тебе, что он немного не в духе?”

Присев на корточки перед конурой, Цзян Дао наклонил голову и заглянул внутрь.

Таотао отступил еще дальше, сжавшись в углу конуры, плотно поджав хвост. Из его горла вырвался тихий писк, нечто среднее между угрозой и хныканьем.

“Чего он боится?” Цзян Дао нахмурился.

Он видел много гончих на поле боя и немного знал о собаках. Движения и звуки Таотао были явным выражением страха.

Но в этом мире нет ни зверей-мутантов, ни войн, так чего же боится эта собака?

Цзян Дао был озадачен, подошел ближе и протянул руку, чтобы успокоить Таотао.

Пушок на затылке Таотао взметнулся от этого движения. Хвост был плотно прижат к животу, он оскалил зубы и свирепо зарычал на Цзян Дао: "Гав!"

Цзян Дао: ...

Хорошо, он понял.

Таотао боится его.

Цзян Дао беспомощно встал, сделал два шага назад и спрятался за Чэн Чжи.

Жалобная угроза Таотао немедленно превратилась в обиженное жужжание.

В это время Ци Пэн и Чу Иньлун также пришли проверить.

Таотао был воспитан Ци Пэн, и он последует за Ци Пэн домой после того, как каждая программа будет закончена, поэтому он очень зависит от него. Увидев Ци Пэна, Таотао немедленно выбежал из своей конуры, бросился в его объятия и спрятал голову в его руках.

"О!" Ци Пэн был сброшен на землю. "Ты уже большой мальчик, я больше не могу тебя обнимать!" Он протянул руку, чтобы взять морду Таотао, и поднес его к своим глазам. "Разве ты не умный? Почему бы тебе не поиграть с этим братом?"

Вынужденный вылезти из объятий, Таотао прищурил глаза и посмотрел туда, где находился Цзян Дао, но его тело и поза все еще были оборонительными. Поджав хвост, мягко покачиваясь между ног, он, казалось, колебался между страхом и заискиванием.

Чу Иньлун посмотрел на Таотао, затем на Цзян Дао и улыбнулся. "Тебе противны собаки?"

Цзян Дао потерял дар речи. "Ты не можешь сказать что-нибудь получше?"

Чу Иньлун спросил: "Я помню, ты все еще хотел завести собаку?"

Глядя на Таотао, который минуту назад кокетничал в объятиях Ци Пэна, Цзян Дао выглядел возмущенным. "Я предпочитаю бульдогов".

В мире за пределами книги только собаки, которые могут драться, и кошки, которые могут обнаруживать опасность, имеют право жить с людьми. Эти брезгливые и неуправляемые питомцы были уничтожены в битве за битвой.

Цзян Дао поджал губы и повернулся, чтобы уйти. Найдя ровное место в углу двора, он начал силовые тренировки.

“Сегодня вечером никаких приготовлений нет, так что все могут отдохнуть пораньше”.

Перед окончанием съемок режиссер собрал всех на главном дворе и объявил о мероприятиях на следующий день. “Задача завтрашнего утра - забрать гусиные яйца и использовать их в городе, чтобы обменять на ингредиенты для приготовления обеда. Во второй половине дня мы отправимся на поля собирать арбузы, которые также будут доставлены в город и обменены... Рабочая нагрузка относительно большая, поэтому вы можете обсудить, кто, что будет делать”.

Ци Пэн махнул рукой: “Хорошо, мы обсудим это завтра”.

Ан Чжэ, который стоял рядом с Хай Тан, побледнел. “Собирать гусиные яйца... ах... Я не хочу идти. Я, я умею собирать арбузы!”

Чэн Чжи быстро объяснил Чу Иньлуну: “В прошлый раз он ходил за гусиными яйцами. После того, как за ним погнался и укусил гусь, у него, вероятно, есть психологическая тень. Дело не в том, что он щепетилен, он способен выполнять работу!”

Чу Иньлун беспомощно вздохнул.

Ци Пэн похлопал его по плечу. “Похоже, что несколько видеороликов, на которых ты ругаешь новичков, оказывают сильное давление на молодых людей, и они не осмеливаются вести себя перед тобой как избалованные дети”.

Чу Иньлун посмотрел на Ан Чжэ и торжественно сказал: “Не бойся, пока ты не в моей команде, я не настолько строг с людьми и не буду ругать тебя”.

Но Ан Чжэ ... занервничал еще больше.

Команда звукозаписи быстро собрала оборудование и отправилась обратно в отель у подножия горы. Для непрерывной записи событий днем и ночью было оставлено всего несколько камер.

“Камеру в вашей комнате можно выключить, когда вы ложитесь спать”. Напомнил Ци Пэн. “Она автоматически включится завтра в шесть часов утра, но в основном вы должны проснуться до шести часов”.

Чу Иньлун было любопытно. “Почему?”

Ци Пэн: “Птички щебечут! Здесь так много птиц, и они щебечут на рассвете. Дом не звукоизолирован, поэтому в основном все просыпаются от шума. Но ты можешь наверстать упущенное для сна в полдень”.

Перебросившись еще несколькими словами, Хай Тан сообщила, что горячая вода приготовлена, и гости по очереди вымылись, а затем вернулись в свои комнаты отдыхать.

Цзян Дао лежал на незнакомой жесткой дощатой кровати и соломенной циновке и, что неудивительно, снова потерял сон.

Здесь даже тише, чем в ночном городе. Хотя он иногда может слышать воркование сов и стрекотание насекомых, здесь слишком тихо по сравнению с шумным движением оживленного города и электрическими приборами в доме.

Рядом с ним Чу Иньлун был неподвижен, глубоко дыша.

Цзян Дао уставился на сигнальный огонек камеры, медленно мигающий красным в темноте, очевидно, чувствуя сонливость, но его мозг упрямо отказывался отдыхать.

Чувствуя себя беспомощным, Цзян Дао тихо встал, подошел к своему чемодану и достал пару наушников. Он откинулся на кровать, надел наушники, нашел на телефоне телесериал и начал проигрывать.

Положив мобильный телефон лицевой стороной вниз на прикроватный столик, он постепенно заснул, слушая человеческие голоса в наушниках.

Посреди ночи звук в наушниках пропал.

Цзян Дао в шоке открыл глаза, долго смотрел на балку крыши и беспомощно вздохнул. Он открыл свой телефон, нашел веб-драму со множеством эпизодов, которые можно было посмотреть бесплатно, и начал проигрывать ее.

Через час звук фильма резко прекратился.

Когда Цзян Дао проснулся, он нашел свой телефон и обнаружил, что батарея села.

Цзян Дао встал с кровати, осмотрел комнату и, наконец, нашел штепсель в углу у двери. Однако кабель для зарядки его телефона имеет длину всего один метр, а вилка находится далеко от прикроватной тумбочки. Даже добавление удлинительного кабеля не позволило сократить расстояние.

Беспомощный, Цзян Дао вышел налегке, принес со двора ротанговый стул и поставил его рядом с розеткой. Затем он свернулся калачиком в ротанговом кресле с подушкой, зарядил свой телефон и уснул, слушая звуки голосов.

На следующее утро.

Чу Иньлун, которого разбудило щебетание птиц, с недовольным лицом откинул одеяло и сел, нахмурившись.

В следующую секунду его взгляд был прикован к фигуре, свернувшейся калачиком в ротанговом кресле у двери, и первоначально нахмуренные брови медленно вытянулись в удивлении.

Слабый утренний свет немного проникал из окна и освещал профиль Цзян Дао.

Большой мальчик обнял подушку и свернулся калачиком в ротанговом кресле. Шея слегка изогнулась, его кожа была почти прозрачной в утреннем свете. Его линии, казалось, были покрыты ярким золотом, настолько ослепительным, что было почти невозможно смотреть прямо на него.

Однако эта ослепительность, похоже, несла в себе удручающую уязвимость.

Чу Иньлун опустил глаза и сунул руку под одеяло, которое было беспорядочно разбросано вокруг него, только для того, чтобы почувствовать прохладу ладонями.

Как долго он вот так свернулся калачиком в ротанговом кресле?

<http://bllate.org/book/14535/1287643>